

Вячеслав Куликовский В ДНИ ТОРЖЕСТВА САТАНЫ

Роман

...Завершится круг времени. И прорвется страшная болезнь из породившей ее страны по прямой линии на Запад к Океану. И поразит все народы и все страны... воцарятся повсюду ненависть, злоба, голод, мор и чума, смерть и разрушение войдут в мир и города будут пусты...

И восторжествует сатана...

*(из предсказания давнего
о современных событиях).*

Глава I

Сегодня у меня опять припадок необычайной, мучительной тоски. Как и всегда, он наступил внезапно, без всякого видимого повода и, конечно, так же внезапно и беспричинно исчезнет. Но когда? Через несколько часов, завтра, через неделю?

Почем я знаю... Весь вопрос в том, когда отвратительный Демон Уныния наскучит пребыванием в моем теле. Я не могу понять, что заставило этого господина последние годы заинтересоваться моей брэнной оболочкой и избирать ее по временам своей резиденцией. По моему всегдашнему глубокому убеждению, ни мое духовное, ни, тем более, мое физическое «Я» никогда не обладало ни одним из тех свойств, которые могли бы сыграть роль магнита для моего назойливого гостя.

Я — человек сильной воли и сильного здоровья, организм мой не надломлен никакими болезнями, я не страдаю неврастенией; наследственность у меня прекрасная; я никогда не знал лишений, всегда был глубоким оптимистом и последние тридцать лет моя борьба с жизнью была не борьбой за существование, а рыцарским турниром. Я ломал на этом турнире свое копьё не за право жить, а за право стоять на самой высокой ступени той лестницы, которая именуется «общественным положением человека». Не могу не сознаться, что вначале, при первых моих выступлениях на арене жизни, победа на этих турнирах далеко не всегда склонялась на мою сторону: наоборот, довольно часто я терпел поражения и, вылетая из седла, шлепался на землю так основательно, что потом долго приходилось

отлеживаться. Иногда, правда очень редко, я даже окончательно падал духом. В такие моменты я говорил себе: «Милый Джон! Бросьте эти затеи. Уверю вас, вам никогда не удастся сделаться хорошим бойцом и роль паладина вам не по плечу. Если из вас выйдет сносный оруженосец, то и за это благодарите Небо». Но переставали ныть ушибы, заживали увечья — я снова садился в седло и бросался в поединок.

Помню, в юности я очень увлекался романами и описаниями, посвященными жизни и деяниям короля Ричарда-Львиное Сердце. Он был моим любимым героем. Я захлебывался от восторга, читая и перечитывая дифирамбы его боевым подвигам и поединкам. Когда я представлял себе, как этот рыцарь-король, закованный в вороненые латы, выбивал на турнире, под восхищенные возгласы первых красавиц королевства, своих противников из седел или как он одним могучим ударом своего двуручного меча рассекал в бою сарацина вместе с его конем — сердце мое замирало от восхищения. Слава! Что может быть лучше славы? — думал я.

Я завидовал моему герою и в глубине сердца твердо решал, что единственным кумиром, которому я буду поклоняться всю жизнь, будет Слава. Но пример все того же моего излюбленного героя ясно показывал, что слава даже королям

дается нелегко и что заслужить ее можно, во всяком случае, лишь путем тяжелой и упорной борьбы. И я решил бороться.

Правда, здравый смысл семнадцатилетнего американского клерка твердил мне, что рыцарство давно умерло и отжило свой век, что в двадцатом столетии выбивать из седел джентльменов без всякой вины с их стороны не только смешно, но прямо-таки неприлично; что, разрубив кого-либо от макушки головы и до крестца двуручным мечом, ничего, кроме электрического кресла и общего презрения, заслужить нельзя; что, впрочем, и этих доводов было вполне достаточно, чтобы убедить обладающего самой богатой фантазией клерка не следовать методам короля Ричарда для достижения славы.

Но все же... я искренне завидовал Львиному Сердцу.

Теперь, когда мне почти пятьдесят лет, когда жизнь осталась позади и впереди только беспросветный мрак, я совершенно отчетливо понимаю, что у меня не было никакого основания для подобной зависти.

Ричард поклонялся славе, как богу, совершенно забывая, что она, в сущности, вовсе не бог, а самая легкомысленная из женщин. И разве эта старая, тысячелетняя кокетка не изменила в конце концов своему верному поклоннику? Кто, как

не она, заставила его броситься в авантюру крестовых походов? Кто, как не она, подвергла его унижениям позорного плена?

Кто-то сказал: «Слава — дым». А я говорю: «Нет, она даже не дым, ибо дым есть все же нечто вещественное, весомое. Слава — мираж». Это определение будет несравненно вернее. Несмотря на все, что случилось, я все же никогда не перестану благодарить Небо за то, что в свое время туман, окутывавший мои мозги, рассеялся и я понял, что в жизни есть лишь две вещи, достойные человеческого внимания и усилий. Это, во первых — деньги и, во вторых, достигаемое через них и посредством них, — могущество. А слава?.. Слава — чепуха. Это говорю я — бывший клерк фирмы «Торговый дом Бурбенк и Сын» в Нью-Йорке.

Я не король, не герцог, даже не князь. Я — Джон Гарвей, просто мистер Джон Гарвей из Нью-Йорка.

У меня, повторяю, нет титула. Вместо него еще три года тому назад на моей визитной карточке, немного пониже фамилии, значилось самым мелким курсивом:

*Президент Всеамериканского
синдиката соединенных трестов:
горнопромышленных, электрических и*

В течение пяти лет, имя Джона Гарвея было неотделимо от этой надписи как на столбцах прессы, так и в умах представителей правительственной власти, финансистов и широкой массы населения. Эта надпись была моим титулом. Правда, он звучит не так громко, как титул хотя бы блаженной памяти императора австрийского. С этим я согласен. Но смею вас уверить — удельный вес его в Новом и даже в Старом Свете был куда значительнее.

Когда не отошло еще в область анахронизма понятие об Англии, как о стране с монархическим образом правления, о короле этой страны говорили: «Он царствует, но не управляет», а о президенте Соединенных Штатов: «Он не царствует, но управляет». Не могу не сознаться, что эти выражения были порождены чьей-то очень неглупой головой: одно маленькое слово «не», соответственно перемещенное, лучше всяких длинейших трактатов объясняло сущность образа правления двух величайших мировых держав. Не знаю национальности автора этого замечательного изречения. Если он француз и не был удостоен места в Пантеоне — это величайшая несправедливость.

Да, повторяю, это чрезвычайно несправедливо. Я обижен за него. И еще более — за себя. Вы спросите — почему? Я попытаюсь вам изложить все как можно понятнее, но это не так просто. Да, не так просто, черт возьми!

Официально президент Соединенных Штатов был правитель с весьма ограниченной властью; неофициально, особенно в последние годы, он был почти самодержец; а еще более неофициально, его власть сводилась к нулю, *Nom de Dieu*, как говорят провансальцы. Какая путаница противоречивейших понятий! Есть от чего закружиться голове не только слабого, но и среднего человека. Тем не менее, я все-таки распутая для вас этот новый Гордиев узел.

Дело в том, видите ли... Ну, словом, я буду краток: как я уже говорил, президент Соед. Штатов неофициально управлял республикой почти неограниченно. А президентом республики управлял (уже совершенно неофициально) президент Синдиката соединенных трестов, т. е. ваш покорнейший слуга.

Если Людовик-Солнце говаривал: «Франция — это я», он был почти прав. Но если бы я три года назад на одном из торжественных приемов в Белом Доме заявил: «Америка — это я!» — то я был бы совершенно и абсолютно прав.

И, тем не менее, меня почти наверное сочли бы за сумасшедшего. Никто не поверил бы мне, как

ни один из добрых англичан не поверил бы во времена монархии, что его король может что либо сделать по собственному усмотрению в своей стране. Да, мне никто не поверил бы. Никто, за исключением самого президента республики, да, пожалуй, еще нескольких членов Синдиката и правительства. Но, увы, — я думаю, что не они попытались бы убедить присутствовавших в справедливости моего заявления.

Вся жизнь не только в стране, но и на всем материке направлялась и регулировалась Синдикатом трестов. А деятельность Синдиката направлял и регулировал я. И я, мистер Джон Гарвей, бывший клерк фирмы «Торговый дом Бурбенк и Сын», фактически был единственным повелителем всего материка. Одним росчерком пера я мог остановить биение пульса жизни во всем Новом Свете. Десяток шифрованных телеграмм, — и всюду гаснет электрический свет, перестает подаваться вода; замирает транспорт, не добываются больше металлы и уголь; вследствие недостатка топлива и электрической энергии останавливается работа фабрик и заводов; население городов голодает, миллионы безработных угрожают государственному спокойствию...

Я надеюсь, — вам понятно теперь, кем был еще не так давно мистер Джон Гарвей из

Нью-Йорка? Слова остряка: «он не царствует, но управляет» — как вы ясно видите теперь, относились не к кому иному, как ко мне. Только Джон Гарвей мог с неоспоримым правом сказать: «Америка — это я!»

Какие праздные мысли! Милый мистер Джон: мне очень стыдно делать вам замечания, но я боюсь, что вы скоро вернетесь к уровню того умственного развития, которым обладал некогда клерк почтенного мистера Бурбенка. Всему виной отвратительный Демон Уныния. Что ему надо от меня? Поистине, наглость его не имеет пределов. Мало того, что он является непрошенным — он распоряжается занятым не по праву помещением, как собственной, купленной на вечные времена паевой квартирой. Он распаковывает свои чемоданы и заполняет своими гнусными пожитками самые мельчайшие уголки экспроприированного им пристанища. Он отравляет своим ядовитым дыханием тончайшие извилины моего мозга и заставляет его работать так, как ему угодно.

Но, черт возьми — мы еще поборемся! Да, да, мой милый: я изобрету такие затворы, которые даже вам, всесветному проныре, помешают пробраться в помещение, которое столько лет было для вас недоступным. Это говорит не кто иной, как Джон Гарвей. А его в достижении намеченной цели

никогда не смущали никакие препятствия.

Скучно... Все позади, — впереди никакого просвета. Очень скучно. Иду по тропинке, проложенной вдоль берега острова.

Тихо. На океане почти полный штиль. Чуть плещутся о мягкий песчаный берег едва заметные волны. Скучно...

Скучно и деревьям, застывшим в сонной дреме, скучно неподвижному воздуху.

— Скучно... Скучно... — слышится и в вялом чириканье одуревших от зноя птичек.

— Скуч-ч-чно... — шелестят о песок крошечные гребни вялой зыби.

Да, скучно.

Мне чего-то недостает, но я не могу определить, чего именно. Кажется, за эти годы я от всего отвык. Я смирил свое тело, свой дух. Не в моих правилах желать невозможного. Нет — у меня нет желаний. И все-таки мне чего-то не хватает.

Чего?

Неужели мне недостаточно того, что в дни величайшего торжества сатаны, в дни, когда он правит во всем мире свой кровавый свистопляс, я нахожусь за пределами круга Безумия и Смерти?

Поистине, человек — самое неблагодарное из творений. Поистине...

Глава II

Иду домой. Спускаюсь в нижний этаж моего коттеджа и ложусь на диван в кабинете. Стены его, как и прочих комнат нижнего этажа, почти целиком уходят под землю. Только верхняя четверть их возвышается над уровнем почвы. В этой части стены проделаны окна. В каждой комнате их два. Они имеют форму очень растянутых эллипсисов. Составлены они из больших кусков толстого кристаллообразного стекла желтого, красного, дымчатого и фиолетового цветов, соединенных бронзовым переплетом рамы.

Даже в самые знойные дни тропического лета в комнатах нижнего этажа всегда бывает прохладно. Комбинация стекол дает ровный, приятный для глаз свет, не слишком яркий, но вполне достаточный для чтения и писания на машинке. В минуты раздражения этот свет и прохладная температура комнат действуют на нервы лучше всякого успокоительного.

Рядом с кабинетом с одной стороны библиотека, — с другой — спальня. За спальней — ванная комната с бассейном и душем, в которые вода проведена непосредственно из океана. За библиотекой — столовая, курительная, а еще дальше — небольшая гостиная.

Я обставил все эти комнаты так, как это

приличествует бывшему президенту Синдиката соединенных трестов. Я никогда не имел чести пользоваться гостеприимством кого-либо из монархов, но льщу себя надеждой, что обстановка моего подвала пришлась бы по вкусу всякому из них. Каждый день и каждый час благословляю я имя моего друга — архитектора Гюи Смита, который при постройке коттеджа подал мне идею устроить это недоступное для палящего бога тропиков убежище. Я воздвиг ему в моем сердце памятник таких размеров, перед которым знаменитая пирамида Хуфу кажется не больше простой крупинки гранита.

Я забыл упомянуть, что мой подвальный кабинет (а по миновании знойного периода кабинет в верхнем этаже коттеджа) является камерой, в которой концентрируется биение пульса жизни всего подвластного мне острова. Если на секунду вы вообразите, что остров — живое существо, то его мозгом буду я; его нервами — телефонные провода, связывающие мой кабинет с радиостанцией, морской базой, комендатурой и советом старшин; его органами — только что перечисленные учреждения, а его мускулами — все остальное двухтысячное население.

Я же, повторяю — мозг. Я — неограниченный властитель.

Юлий Цезарь говаривал: «Лучше быть

первым в деревне, чем последним в городе». Этот старый интриган был миллион раз прав. И я не знаю, что для человечества более ценно: это ли изречение Цезаря, такое же жизненное сейчас, как и две с лишним тысячи лет тому назад, или его исторические труды о войнах с какими-то давно исчезнувшими галлами. Лично я изречение считаю куда выше.

И так как в силу некоторых причин, о которых вам будет рассказано как-нибудь впоследствии, я не могу быть первым в городе, т. е. на всей материке Нового Света, то я предпочитаю быть первым в деревне, т. е. на этом микроскопическом острове. Если ваши мозги, милостивые государи, еще не окончательно одурманены химерами о социальном переустройстве человеческих взаимоотношений — вы согласитесь со мной.

Итак, придя в свой «подвал», я лег на диван и развернул взятую наудачу из библиотечного шкафа книгу. Она оказалась сочинением одного из известных философов и трактовала «о непротивлении злу». Каждая строка, каждая буква этой книги убеждала, вернее, должна была убедить меня в том, что все мои поступки за последние три года были верхом глупости. Конечно, я поступил, как последний идиот, своевременно обратив в звонкую золотую монету все мое имущество и ценные бумаги; не более умно поступил я, перевезя

это золото на мой остров. Без сомнения, мне не следовало делать ни того, ни другого — надо было спокойно смотреть на разграбление и уничтожение моего достояния и утешаться мыслью о «непротивлении злу». Конечно, только мое недоумие могло толкнуть меня на путь тех логических выводов, которые я сделал благодаря внимательному наблюдению за событиями, разыгрывавшимися сперва в Старом, а потом и в Новом Свете в продолжении последних лет; ясно, что я не должен был делать этих выводов, а тем более готовить себе, на основании их, пути отступления. Я должен был все предоставить собственному течению, памятуя о «предопределении». Да, да, мистер Джон Гарвей: вы не имели ни малейшего права спасти ни себя, ни своих ближайших друзей, перевозя их на этот остров. Вы поступили, как невежда и неуч. Вы должны были спокойно дать усадить себя на электрический стул, дать усадить на такие же стулья своих друзей и в компании с ними и еще многими другими порядочными людьми, с кроткой улыбкой на устах и сладкими мыслями о «непротивлении злу», отправиться к своим высокоуважаемым предкам.

А вы? Уверяю вас, ваши деяния недостойны передового человека с умом философской складки. Впрочем, утешьтесь тем, что еще не поздно.

К вашему острову каждый день могут подойти несколько кораблей с обезумевшими людьми континента или даже просто — пиратами. Если вы, при виде приближающихся судов, прикажете убрать минные заграждения вокруг острова и дадите этим людям беспрепятственно высадиться на берег — ваша вина уменьшится наполовину.

Если вы позволите им разграбить все, что здесь имеется, если вы с сердцем, полным всепрощения, будете смотреть, как избивают ваших друзей и прочих обитателей острова, разделяющих ныне с вами вашу участь — ваша вина будет искуплена на три четверти. Если же, наконец, вы сами без протеста позволите надеть на себя веревку и, с любовью глядя на вешающих вас разбойников, взовьетесь на сук одного из прекрасных эвкалиптов — ваша вина будет вполне искуплена.

Ха-ха! Любезнейший Демон Уныния — не находите ли вы, что вам пора укладывать свои чемоданы? Ибо когда человек смеется, то господам, подобным вам, нет места в его оболочке. Вы находите, что ваш отъезд был бы преждевременным? Ну, хорошо — прочтем еще несколько страниц.

О, мистер Джон Гарвей — чему вы смеетесь? Вы смеетесь над собственным невежеством.

Не огорчайтесь; у невежд есть одно

неоцененное преимущество: они всегда могут говорить то, что думают, по той простой причине, что их репутация заранее оправдывает всякую, сказанную ими, глупость.

Я вижу, что у вас на языке вертится какой-то вопрос. Говорите смело. Что? Вас интересует, что сказал бы почтенный автор этой книги, проживши год-другой в России в эпоху коммуны? Ваш вопрос вовсе не так глуп, милый мистер Джон; но что сказал бы почтенный философ — я, право, не знаю. Только при чем здесь Россия? С таким же успехом вы могли бы спросить, что сказал бы автор книги, проживши последние три года в любой стране Нового или Старого Света.

А впрочем, все это скучно. Скучно... Так же скучно, как эта книга, как сама жизнь.

Звоню и приказываю явившемуся Джефферсону принести виски, содовой воды и самых крепких сигар. Джефферсон — мой дворецкий и камердинер. Он, да еще повар Гопкинс — это все, что у меня осталось от огромного некогда штата прислуги. Всех остальных я своевременно рассчитал.

Впрочем, если бы я этого не сделал, то они сами покинули бы меня. Я их не осуждаю — человек слаб и, конечно, видный, а главное, доходный административный пост или, может быть, даже «министерский» портфель говорит и

сердцу и уму несравненно больше, чем должность выездного лакея или истопника.

В глубине души я очень удивляюсь Джефферсону и Гопкинсу. Впрочем — у каждого человека свои странности.

Благодарение Небу, близится время обеда. Сегодня буду обедать один — нет ни малейшего расположения к дружеским застольным беседам. Надо переодеться. После обеда виски и сигары помогут мне скоротать время до появления исконного благодетеля всех смертных — Морфея.

Глава III

Сегодня проснулся с чувством приятного сознания, что мой надоедливый постоялец освободил меня, наконец, от своего присутствия. Очевидно, сильная доза виски с примесью едкого сигарного дыма и крепкий, продолжительный сон пришлись ему не по вкусу. Надо будет запомнить этот рецепт на будущее время.

Встаю на час раньше обыкновенного, чем немало удивляю Джефферсона.

Бедный Джефферсон! Если бы он знал, каким суровым испытаниям должна была сегодня подвергнуться его непоколебимая вера в то, что жизнь мистера Джона Гарвея на острове Старого

Мира есть не что иное, как плавное вращение колеса, приводимого в движение безукоризненной, математически-точной машиной.

Впрочем, не знаю, кто был более поражен переменной, которую принес мне этот день — Джефферсон или я сам.

Удивительная вещь судьба. Нет, я неверно выразился: не судьба, а случай, «Его Величество Случай». Этот старый шалун иногда выкидывает с нами, жалкими обитателями не менее жалкой планеты, удивительные экивоки. Но, однако, — все по порядку.

Я, кажется, уже говорил вам, что встал в прекрасном настроении. От вчерашней тоски не осталось и следа и я совершенно не понимал, чего могло мне не хватать накануне в то время, когда я бродил по берегу океана. Я отлично выкупался в бассейне, окончил при помощи Джефферсона мой туалет и, одетый в легкий белый костюм, вышел в столовую. Я допивал уже кофе и намеревался позвонить Джефферсона и приказать ему подать мне трость и шляпу, как мой примерный слуга сам появился у дверей.

— Прошу прощения, сэръ, что осмеливаюсь прервать ваш завтрак — сказал он как всегда почтительно.

— В чем дело, Джефферсон?

— Мистер Колльридж и мистер Стивенс

просят разрешения видеть вас, сэр.

Это были мои ближайшие друзья — комендант острова и начальник морской базы.

— Хорошо, — сказал я, делая последний глоток, — попросите джентльменов в мой кабинет. Я сейчас выйду.

Через мгновение я уже пожимал руки военному и морскому министрам. Да, да, милостивые государи — моим министрам. Вы уже знаете, что я — некоронованный повелитель острова. Значит, у меня, как и у всякого главы государства, должны быть министры. Их у меня шесть: военный, морской, министр внутренних дел, министр финансов, продовольствия и общественных работ. Все они составляют упомянутый уже выше Совет Старшин и являются в то же время моими лучшими друзьями и постоянными сотрапезниками.

— В чем дело, друзья мои? — спросил я своих ранних гостей. — Вы пришли как раз вовремя. Опоздай вы на пять минут — вы бы уже не застали меня. Я собирался идти гулять. Случилось что-нибудь экстренное?

Я указал им на кресла и, сев сам, пододвинул моим гостям ящик с сигарами.

— Совершенно верно, — ответил Колльридж, — случилось нечто исключительное.

— Именно?

— Двадцать минут назад мне сообщили с наблюдательного поста номер три, что на горизонте в направлении N.N.W. показался столб густого черного дыма. А что дым может появиться на океане только из труб какого-либо судна — это вряд ли подлежит сомнению.

— Мне кажется, — ответил я, улыбнувшись, — что вы не очень ошибаетесь, дорогой Колльридж. И что же вы сделали?

— Я сообщил об этом начальнику морской базы и, попросив его немедленно прибыть на пост номер три, отправился туда же.

— И вы увидели?..

— Мы видели столб дыма, прямо поднимавшийся к небу. Судя по тому, что столб этот, оставаясь на одном и том же месте, становился в то же время выше и рельефнее, — мы все, наблюдавшие за ним, сделали один и тот же вывод.

— Какой?

— Что судно держит курс прямо на наш остров.

— Ваши выводы очень логичны, господа. Но я все же не понимаю, причем тут необыкновенно серьезное выражение ваших лиц?

Я очень часто люблю прикидываться непонимающим и с удовольствием наблюдаю, как мой полушутливый тон и наивное выражение лица

выводят из себя пришедшего по важному делу собеседника. Я согласен с вами: такие приемы в серьезном деловом разговоре, пожалуй, и неуместны. Но, милостивые государи, у всякого правителя свои капризы. А на этом острове я, хотя и не коронованный, но все же — монарх. Я не без удовольствия заметил, что голос Стивенса, моего доброго, милого Стивенса, заметно вибрировал, когда он начал говорить.

— Простите, мой друг, — сказал он, — но вы, вероятно, не вникли в суть нашего сообщения. К острову приближается какое-то судно...

— Что же из этого? — сказал я. И, следя за тем, как кольцо сигарного дыма, проплыв полкомнаты, повисло на одном из оленьих рогов, украшавших стену кабинета, прибавил:

— Прекрасное кольцо, не правда ли, господа? Я думаю, что в свое время я мог бы получить за проделанный только что фокус весьма солидный куш от повелителя правоверных — падишаха. Вы не находите?

Однако, вместо того, чтобы разразиться похвалами моему искусству, оба мои собеседника стали еще серьезнее.

— Вы знаете, — насколько мог вразумительнее произнес Колльридж, — что мы не можем ждать со стороны океана гостей, а тем более друзей. Одно из двух: или на континенте,

неизвестно каким образом, узнали о существовании этого острова и его обитателях, — или — один из бесчисленных разбойничьих кораблей идет сюда в поисках безопасной и удобной базы. И в том и в другом случае ничего хорошего для себя от этого визита мы предвидеть не можем.

Я швырнул недокуренную сигару в камин, поднялся с места и уже совершенно серьезно сказал:

— Друзья мои — идемте на наблюдательный пост...

Оба встали и я видел, как просветлели их лица.

Игра была кончена. Пришла пора действовать.

Глава IV

Остров «Старого Мира» был несомненно вулканического происхождения. Скорее всего даже, он представлял собою гигантский, давно потухший вулкан. Когда-то, в миоценовую или третичную эпоху, он, вследствие деформаций земной коры, опустился под поверхность океана. Там в течение многих тысяч лет его исполинское жерло затягивалось постепенно песком и илом.

В один прекрасный день, вследствие нового подземного переворота, вулкан опять вынырнул из океана и образовал на его поверхности одинокий

остров. Это не моя теория. Она принадлежит одному из моих подданных — известному геологу. Думаю, что он не ошибается: слишком характерна идущая вокруг всего острова высокая горная цепь и лежащая внутри него котловина.

Остров имеет вид высокой, конусообразной горы с присущей всем вулканам срезанной верхушкой. Котловина с моря совершенно невидима. Для того, чтобы ее обнаружить, надо взобраться на самый перевал горного хребта.

В разных местах этого хребта возвышались четыре пика. На трех из них были наблюдательные посты, на четвертом, самом высоком — станция радио-телеграфа. Все главные пункты острова были соединены телефонной сетью.

Да, милостивые государи — все в моем маленьком царстве было оборудовано по последнему слову науки и техники. Я по справедливости мог гордиться своими владениями и у меня не было ни малейшего желания уступать их кому бы то ни было, — будь это военная эскадра одного из красных государств или просто корабли рыскавших теперь по всем морям интернациональных пиратов.

Подымаясь в плавно скользившей вагонетке лифта на вершину горного пика, служившего наблюдательным постом, мы продолжали обмениваться мыслями.

Отличное расположение духа все еще не покидало меня и я почему-то был почти уверен, что встревожившее нас своим появлением судно пройдет мимо острова и не доставит нам никаких огорчений. Я напомнил, что за эти три года нам несколько раз приходилось наблюдать появление на горизонте судов, которые по неизвестным причинам отклонялись далеко к югу от линии пароходных рейсов. Однако, все они проходили на очень дальнем от нас расстоянии.

Но Колльридж не разделял моих светлых надежд. Удивительно мрачный человек этот Колльридж!

— Милый Джон, — сказал он, — когда вы, наконец, излечитесь от вашей отвратительной привычки смотреть на все в жизни сквозь розовые стекла? Я с грустью убеждаюсь, что даже события последних лет не исправили вас в этом отношении.

Я хотел возражать, но меня предупредил Стивенс. Против всякого ожидания, он поддержал меня.

— Зато вы, Колльридж, — сказал он, — всегда и на все смотрите через самые темные очки. Я думаю, что наш друг прав. Подумайте сами: остров находится в 450 милях от линии пароходных рейсов и не менее чем в 1000 милях от ближайшего населенного архипелага. Он даже не обозначен ни на одной из морских карт. Кому нужно сюда ехать,

с кем здесь воевать, или кого здесь грабить?

— Так, так — кротко вздохнул Колльридж. — Но ведь набрел же на этот остров несколько лет тому назад наш друг? Не так ли?

— Меня занес сюда тайфун, — сказал я, — тайфун, мой милый Колльридж.

— Если вас занесла сюда буря, бушевавшая на океане, то почему, скажите на милость, другой корабль не может быть занесен сюда бурей человеческих страстей, которая вот уже пятнадцать лет бушует во всем мире?

Нет, — он положительно неисправим, этот Колльридж!

Неужели он прав на этот раз?

* * *

Одного взгляда с площадки пика, на которой помещался наблюдательный пост, было достаточно, чтобы убедиться, что Колльридж был прав. Прав, но не совсем: дымовых столбов было не один, а два. Что эти дымки принадлежали не одному судну, а двум — явствовало из того, что второй из них подымался к небу не так высоко, представлялся более туманным, а главное — находился значительно правее и дальше первого. Но как тот, так и другой держались неизменно в створе острова и с каждой минутой становились рельефнее и выше.

Сомнения не было: оба судна держали курс прямо на нас и шли, безусловно, полным ходом. Правда, самих судов не было видно даже в необыкновенно сильную, почти телескопической мощности, трубу; следовательно, и остров им еще не был виден. Зато не подлежало сомнению, что если суда не изменят курса и будут продолжать идти тем же ходом — они не позже чем через четыре часа окажутся непосредственно в виду острова.

Что несли нам эти суда? Безусловно, ничего хорошего. В худшем случае нам предстоит бой, в лучшем — тайна нашего пребывания на острове будет открыта и нам рано или поздно придется искать нового убежища. Искать! Легко сказать, но где? Ведь весь мир заражен безумием и всюду человечество истребляет друг друга.

Я повернулся спиной к морю и посмотрел вниз на обширную зеленеющую котловину. Я увидел маленький, бесконечно дорогой и близкий моему сердцу городок — порождение моей, воплотившейся в жизнь, идеи; я увидел правильные квадраты его кварталов, пересеченные ровными линиями улиц и переулков; увидел тонущие в роскошной зелени тропических деревьев маленькие, ослепительно белые под лучами утреннего солнца коттеджи с зелеными крышами; маленькую церковь на площади; зеркало

искусственной бухты, соединенной подземным туннелем с океаном; темные, отливающие сталью спины покоящихся на ее водах субмарин, напоминавших сейчас огромных дремлющих китов; воздушное, в мавританском стиле, здание Совета Старшин; электрическую и водопроводную станцию, мельницу, мой собственный коттедж...

Я перевел глаза на зеленеющие луга с пасущимся на них племенным скотом и гуртами баранов во много сотен голов; я взглянул на фруктовые сады, на ананасные и рисовые плантации, на волнующиеся под дуновением легкого ветерка золотисто-желтые поля пшеницы и маиса...

Я увидел все это и сердце мое сжала тяжелая безысходная тоска. Неужели все, все, что создал в течение последних лет путем невероятной затраты энергии и напряжения воли, должно теперь погибнуть? Неужели и в этот благословенный райский приют ворвется смрадное дыхание человеческого безумия и ненависти? Неужели и этому, единственному уцелевшему до сего времени уголку Старого Мира суждено утонуть в крови и насилии?

Никогда!

Джон Гарвей, — мистер Джон Гарвей из Нью-Йорка — пришел час, когда вы снова должны садиться в седло и на этот раз уже не для

блестящего турнира, а для ужасного поединка на жизнь и смерть. Наденьте самые прочные латы и выберите самое крепкое копьё. Пусть ваши шенкеля приобретут крепость стали, глаза — точность микрометра, а рука — быстроту молнии и силу Самсона. Помните, вам предстоит не турнир, а смертный поединок. Если вас выбьют из седла, вам больше никогда не подняться с земли — кинжал победителя проткнет ваше горло, как спелую тыкву.

Я подавил волнение, усилием воли придал своему лицу всегдашнее спокойно-насмешливое выражение и повернулся к моим друзьям.

— Полковник Колльридж, — спросил я, — все ли готово у вас для обороны острова?

— Все, сэр, — вытянувшись, ответил он.

— А у вас, адмирал Стивенс?

— Все, сэр, — как эхо, повторил моряк.

На маленькой, замаскированной со стороны моря площадке пика не было более людей, связанных многолетними узами дружбы. Здесь был неограниченный повелитель и покорные исполнители его воли.

— В порядке ли поля минных заграждений?

— В полном, сэр. Я только вчера выходил в море для проверки их.

— А субмарины и их минные аппараты?

— Готовы к действию каждую секунду.

— Если суда не переменят курс и будут явно

приближаться к острову — я попробую выйти в море и уничтожить их минной атакой с субмарин. В случае же неудачи...

— Они взорвутся на минных заграждениях, — закончил Стивенс.

В напряженном ожидании прошло два часа. Теперь в трубу были уже ясно видны оба судна. Однако, даже острое зрение Стивенса не могло еще различить такелажа кораблей, которые шли теперь в строгом кильватере.

Еще через час, взглянув снова в направлении неприятеля, мы все трое радостно вскрикнули: шедшее впереди судно неожиданно и очень круто легло на правый галс и пошло параллельно острову. Это был огромный пассажирский пароход — в трубу видны были все характерные детали его такелажа. Почти одновременно с первым и второе судно изменило свой курс и пошло по тому же направлению. Оно оказалось большим военным крейсером очень быстроходного типа.

Расстояние между обоими судами было еще очень значительным, но крейсер быстро сокращал его.

— Пусть меня повесят, — с волнением в голосе сказал не отрывавшийся от подзорной трубы Стивенс, — если этот крейсер не пиратское судно, преследующее свою добычу. Обратите внимание на то, как он сокращает расстояние и на то, как

«купец» задымил весь горизонт. Он жжет уголь, как сумасшедший. Но ему все равно не уйти.

— Я думаю, что вы правы, дружище, — согласился я, наблюдая гонку в сильный бинокль.

Почти в то же мгновение до нас долетел глухой звук далекого пушечного выстрела. Крейсер давал купцу сигнал остановиться. В ответ на это из труб шедшего впереди судна повалил еще более густой и еще более черный дым.

— Черт побери! — воскликнул вне себя комендант. — Если бы я не был уверен в своем здравом уме, я прозакладывал бы свою голову за то, что вижу все это на экране кинематографа.

— Картина, во всяком случае, не совсем обычная, — согласился я и прибавил:

— «Плеззиозавр» в исправности?

— В полнейшей, — ответил Стивенс.

— В таком случае передайте в базу, что через четверть часа я выйду на нем в море.

— Что вы хотите делать?

— Я не могу допустить, чтобы тысячи невинных людей погибали на моих глазах, — ответил я.

— Но... — как то нерешительно сказал Колльридж, — но...

— Но?

— Я держусь того мнения, что когда два волка грызут друг другу горло — не следует вмешиваться

в их распрю.

— В данном случае я вижу только одного волка, Колльридж. Другой, скорее всего, походит на овцу.

— Мне кажется, что это волк в овечьей шкуре, — упрямо возразил Колльридж. — Смею вас уверить, что девяносто девять процентов пассажиров этого парохода такие же негодяи, как и люди, составляющие команду крейсера. Если они грабят и топят друг друга — тем лучше.

— Мое мнение несколько иное, Колльридж. Я полагаю, что если на пароходе имеется хотя бы десяток порядочных людей, то ради них стоит спасти тысячи негодяев.

Звук нового выстрела, на этот раз уже гораздо более явственный, долетел до нашего слуха. Через несколько секунд впереди носа «купца», на довольно значительном от него расстоянии, высоко взлетел вверх фонтан воды и вслед за тем грохнул характерно-резкий разрыв тяжелого снаряда. «Купец», как испуганная птица, метнулся в сторону и сразу же начал заметно сбавлять ход.

— Вы видите? — спросил я Стивенса.

Вместо ответа он снял трубку телефонного аппарата, непосредственно соединявшего пост номер три с базой.

Когда я начал спускаться к лифту, мой чуткий слух уловил очень тихо произнесенную фразу

Колльриджа:

— На его месте я бы дал крейсеру возможность потопить это сборище негодяев, а потом потопил бы и сам крейсер.

Бедный Колльридж — каким он стал жестоким. А ведь когда-то это был добрейшей души человек. Впрочем, я не осуждаю его: если бы меня, как его, держали в зловонной тюрьме, если бы в моем присутствии истязали и убивали мою семью, угрожая той же участью и мне; если бы я, чудом избежав смерти, увидел себя превращенным из богача в нищего — я, вероятно, сказал бы то же самое.

Глава V

Когда мы спустились к моему коттеджу, у его подъезда уже ждал нас, пофыркивая мотором, вызванный по телефону автомобиль. Он должен был довести меня и Стивенса до морской базы. Колльридж на всякий случай оставался на острове.

Мне надо было захватить некоторые необходимые для экспедиции вещи и я, попросив Стивенса подождать меня в относительно прохладном hall'e, начал быстро спускаться в свой «подвал».

Но не успел я еще открыть ведущую во внутренние комнаты дверь, как до моего слуха донеслись заглушенные звуки ожесточенной канонады. Иногда выстрелы звучали слабо и неясно, иногда же гроыхали гулко и тяжело.

Я не прошел, а пробежал две комнаты, отделявшие меня от кабинета, и приложил к уху телефонную трубку.

— Пост номер три? — спросил я.

— Да, сэр, — слышался ответ.

— Что такое происходит в море?

— «Купец» не сдается, сэр. Он подпустил к себе крейсер на близкое расстояние и открыл по нему огонь.

— А крейсер?

— Отвечает редким огнем из тяжелых калибров. «Купцу» несдобровать, сэр: он заметно накренился на левый борт.

Надо было спешить. Я схватил нужные мне вещи и, шагая через четыре ступеньки, помчался наверх.

— В базу! — крикнул я шоферу. — И полным ходом.

«Плезиозавр»¹ — единственный в мире

¹ Плезиозавр — одно из гигантских водных ископаемых доисторического периода.

подводный и одновременно воздушный корабль².

² Корпус судна имеет двести сорок пять футов длины и целиком сделан из «атранита», — недавно изобретенного металла, обладающего легкостью алюминия и крепостью стали. Первое из этих свойств необычайно важно для воздушного, второе — для подводного плавания.

Двенадцать специально сконструированных электрических двигателей, общей мощностью в тридцать тысяч лошадиных сил, приспособлены так, что порождаемая ими энергия переключается в несколько секунд с винтов корабля на его пропеллеры и обратно.

«Плезиозавр» развивает чудовищную скорость.

Носовая часть корабля, имеющего вид удлиненной сигары, снабжена необыкновенной прочности тараном из бихромистой стали. Этот таран в случае необходимости может пронизать подводную часть любого судна так же легко, как игла протыкает кусок сукна.

Вооружение «Плезиозавра» состоит из шести минных аппаратов, действующих силой сжатого воздуха. При полетах мины заменяются большими бомбами, сбрасываемыми через особые люки в дне судна.

Перископ заменен объективом особого устройства. Он состоит из плоской ромбовидной коробки, толстого, кристаллически-прозрачного стекла, с целой системой зеркал и стекол внутри. Эта коробка, двигаясь по вертикальному стержню параллельно поверхности воды, немного ниже ее уровня, остается совершенно незаметной для постороннего наблюдателя и ничем не обнаруживает присутствия судна. Посредством сложных приборов на экран во внутрь рубки чрезвычайно отчетливо передаются изображения всех предметов, находящихся в сфере действия объектива.

Благодаря усовершенствованным приборам, поглощающим

испорченный воздух и вырабатывающим свежий, «Плезиозавр» может оставаться под водой в течение целого ряда дней.

Таковы достоинства корабля, как субмарины. Не менее значительны они и в тех случаях, когда «Плезиозавр» переходит из водной стихии в воздушную. Переход этот совершается чрезвычайно просто. Если судно движется по поверхности воды, маневр занимает не более пятнадцати минут времени.

Действием соответствующих рычагов застопориваются машины и через батарею стеклянных труб с особым химическим веществом пропускается электрический ток. Результатом этого является мгновенное выделение в огромном количестве легкого, обладающего исключительной подъемной силой газа. Он устремляется по отводным трубкам и быстро заполняет прежде всего камеры, которые при опускании судна накачиваются водой, а затем и все пространство между двойными стенками корабля. Под давлением газа корпус судна начинает подниматься из воды. Затем откидываются герметические крышки двух желобов, идущих вдоль бортов корабля по его палубной поверхности, и поднимаются лежащие в этих желобах стойки вертикальных пропеллеров. Пропеллеры, будучи приведены в действие, препятствуют кораблю перевернуться вследствие мелкой осадки и окончательно поднимают его на воздух. В то же время автоматически выдвигается на надлежащую высоту купол наблюдательной башни и кресло командира поднимается к аэронавтическим приборам.

Наконец, удлиняются выдвижными лопастями руль направления и рули глубины и приводятся в действие выдвинутые из пазов в носовой части судна горизонтальные пропеллеры.

Честь создания его принадлежит одному молодому, но гениальному русскому инженеру, эмигрировавшему в Америку в дни революции. Великим изобретением сразу же заинтересовались несколько государств в Старом и в Новом Свете. Однако, при ближайшем ознакомлении со сметами расходов, необходимых для производства опытов и постройки модели, у всех правительств неизменно пропадало желание купить у изобретателя патент.

Тогда этот патент был куплен мною. Инженер стал богатым человеком, а я — счастливым обладателем самого замечательного корабля. *Suum cuique*³.

Первоначально корабль был построен не как военное судно, а как яхта — яхта президента Синдиката соединенных трестов. Я не пожалел расходов на обстановку и отделку судна. Смею вас уверить, милостивые государи, что яхте Джона Гарвея позавидовал бы любой монарх. Впоследствии, когда мне навсегда пришлось покинуть континент, я приспособил корабль для военных целей.

³ Каждому — свое (*лат*).

Как и всегда во время морских поездок на «Плезиозавре», я лично вел корабль. Для меня нет большего наслаждения, как управлять его чуткими механизмами, воспринимающими мою волю с понятливостью почти живого существа.

С величайшей осмотрительностью, идя самым тихим ходом, я провел «Плезиозавр» сквозь запутанные коридоры минных заграждений и с облегчением вздохнул, когда мы очутились в безграничном просторе открытого океана.

— Полный ход! — передал я по телеграфу в машинное отделение.

— Есть полный ход, — последовал ответ.

По слабому вначале и постепенно все нараставшему содроганию корпуса я понял, что моторы пущены с максимальной энергией.

Чтобы зайти со стороны открытого океана, нам нужно было описать большой круг. Не отымая руки от рулевого рычага, я откинулся на спинку высокого вращающегося кресла и перевел взгляд на растянутый передо мной экран подводного перископа. На нем, кроме быстро отходящих вдаль очертаний острова, ничего еще не было видно.

— Нам понадобится не меньше двадцати минут на то, чтобы дойти до места, где мы, не возбуждая подозрений, сможем вынырнуть на

поверхность моря, — услышал я сзади себя голос Стивенса.

— Да, я думаю, — односложно ответил я.

Оба мы говорили спокойно, но я знал, что Стивенс волнуется не меньше меня.

На восемнадцатой минуте остров виднелся на экране уже в виде небольшого бесцветного пятна. На двадцать первой пятно из серого превратилось в туманное и в то же время в левом верхнем углу экрана появились две неясные черточки. Этими черточками были оба являвшиеся целью нашей экспедиции корабля.

— Благодарение Небу, — сказал с радостью в голосе Стивенс, — «купец» еще держится на воде.

— Вопрос, сколько он продержится...

Я надавил рычаг электрического рулевого аппарата и плавно стал поворачивать его влево. «Плезиозавр» дрогнул и начал сильно крениться на правый борт, описывая крутую дугу. В то же время черточки, обозначавшие на экране оба судна, начали передвигаться вправо. Когда они оказались в центре верхней половины экрана, я снова возвратил рычаг в среднее положение. «Плезиозавр» выпрямился. Теперь он шел прямо к цели. Еще через несколько минут мы подыдемся на поверхность моря.

С каждой секундой черточки становились больше и рельефнее и постепенно принимали

очертания судов. Прошло еще пять минут. Увы, — мы опоздали.

Перед моими глазами на экране ясно рисовались теперь стройные очертания неподвижно стоявшего крейсера. Легкий дымок подымался из всех четырех его труб и тотчас же разбивался в неподвижном воздухе. В стороне и немного впереди крейсера виднелся громоздкий, неуклюжий корпус пассажирского судна. Нос его, беспомощно поднявшись над застывшей поверхностью океана, висел в воздухе, а корма все глубже и глубже уходила в воду.

— «Купец» идет ко дну, — как загипнотизированный, вперив глаза в экран, сказал Стивенс. — Он продержится на воде всего несколько минут.

Вместо ответа я нажал рычаг горизонтального руля. «Плезиозавр» метнулся носом вверх и переменял горизонтальное положение на наклонное. Через несколько секунд он несся уже, как гигантский нарвал, по поверхности океана.

— Капитан Джонсон, — сказал я неподвижно сидевшему все время возле меня командиру судна, — возьмите на себя управление кораблем.

— Есть, сэр, — ответил моряк, опускаясь на освобожденное мною кресло.

Я приказал выдвинуть носовую наблюдательную башню и прошел в нее вместе со

Стивенсом. Несмотря на бешеную скорость, с которой «Плезиозавр» пожирал расстояние, мы все-таки находились на довольно еще значительной дистанции от места катастрофы. Мы откинули составленный из кусков толстого, кристаллически-прозрачного стекла купол башни и, высунувшись до половины над палубой, уставились в сильные морские бинокли.

Милостивые государи! Джон Гарвей, мистер Джон Гарвей из Нью-Йорка видывал на своем веку достаточно видов. Некоторые из них были таковы, что при их созерцании человек с менее крепкими нервами, чем бывший клерк торгового дома «Бурбенк и Сын», по всей вероятности, лишился бы рассудка. Да, смею вас уверить, что это так. Джон Гарвей никогда не лжет.

Не помню, кто обмолвился однажды замечательным афоризмом: «Только четыре вещи в мире беспредельны: время, пространство, человеческое благородство и человеческая подлость».

Хотя лично я был убежден в этом всегда, но все же, когда я поднес к глазам бинокль, я почувствовал, как по спине у меня пробежал холодок.

Поврежденный корабль быстро погружался в воду. Вся верхняя палуба его, напоминавшая своим видом потревоженный муравейник, была усеяна

тысячами копошащихся и движущихся человеческих фигур. Люди цеплялись за поручни бортов, за мачты, снасти, друг за друга — за все, что попадалось под руку. Некоторые срывались и падали в воду, некоторые в припадке безнадежности бросались туда сами, желая хотя на несколько мгновений отсрочить неизбежную гибель. По мере приближения «Плезеиозавра» детали ужасной трагедии вырисовывались все яснее и впечатление от них становилось поистине кошмарным. Крейсер, по-видимому, не проявлял в отношении погибающих ни малейшего участия. Его борта, выступы командирской рубки и даже мачты были усеяны стоявшими в спокойных позах людьми, которые с тупым равнодушием наблюдали страшное зрелище.

— Скоты... — проворчал сквозь зубы Стивенс.

Он не успел окончить фразы, как на крейсере произошло какое то движение. Люди, стоявшие на носовой части палубы вдоль того борта, который был обращен непосредственно к погибающему судну, вдруг быстро начали принимать вправо и влево. Открылось свободное пространство в несколько ярдов ширины. Видно было, как по нему быстро бежали к борту пять-шесть человек, неся что-то попарно на руках. Поставив это «что то» на самом краю палубы и низко нагнувшись над ним,

люди начали копошиться.

— Что они там делают, Стивенс? — спросил я, указывая биноклем в направлении заинтересовавшего меня явления.

Он мельком взглянул на палубу крейсера, недоумевающе пожал плечами и сейчас же снова перевел свой взгляд на тонущее судно. Лицо его было бледно, губы крепко сжаты.

Перестав интересоваться крейсером, я тоже навел на обреченное судно свой бинокль. Но тотчас же снова опустил его: зрелище беспомощной гибели нескольких тысяч человеческих существ начинало ужасающе действовать мне на нервы.

Я измерил взглядом отделявшее нас от крейсера расстояние и мысленно сказал себе: пора.

— Прикажите людям занять места у минных аппаратов, — сказал я.

Стивенс поспешно начал спускаться вниз. Наклонившись в отверстие люка, я крикнул ему вслед:

— Когда все будет готово — сообщите!

— Есть, — донесся уже издали голос Стивенса. Я выпрямился и, когда снова поднес бинокль к глазам, — в его поле зрения отразился один только крейсер. На том месте, где еще две минуты назад виднелся погибающий корабль, сейчас бурлила и клокотала огромная воронка.

Когда до моего слуха донеслось зловещее, методически-равномерное постукивание, — я понял, что предметы, над которыми копошились недавно люди из команды крейсера, были не чем иным, как митральезами. Понял я также и то, что они работали сейчас над уничтожением тех немногих из пассажиров погибшего судна, которым посчастливилось тем или иным способом удержаться на поверхности моря. Пираты жестоко мстили за неудавшуюся попытку грабежа. Команда так увлеклась охотой, что «Плезиозавр» был замечен уже на очень небольшом, сравнительно, расстоянии от крейсера.

На палубе корабля воцарилось полное смятение. С боевого марша нам стали сигнализировать флагами.

— Кто идет? — прочел Стивенс сигналы.

Когда ответа не последовало, суэта приняла еще большие размеры. Видно было, как часть людей бросилась к боевым вращающимся башням со скорострельными орудиями.

В то же время с бортов стали опускать в море заградительные противоминные сети. Из всех четырех труб крейсера повалил густой дым и он начал скользить по зеркальной поверхности дремлющего океана, постепенно все ускоряя ход.

Вскоре с глухим скрежетом, тяжело завывая, пронесся первый снаряд и, взбив высокий фонтан воды, исчез в море далеко позади «Плезеиозавра».

— Отвратительная наводка, — спокойно пыхнув сигарой, сказал Стивенс.

Второй снаряд упал ярдах в пятидесяти впереди носа нашего судна.

— Они не желают принимать боя, дружище, — сказал я. — Видите, они идут полным ходом и поворачивают в открытое море.

— Это англичанин, — снова сказал Стивенс. — Америка не строила такого типа судов.

— Вернее, просто одно из бывших военных судов, занимающихся теперь самым выгодным в мире промыслом — пиратством.

«Плезеиозавр» шел, окруженный со всех сторон фонтанами взметавшейся от падающих снарядов воды... Он быстро догонял крейсер, уходящий в С. З. направлении.

— Пора, — сказал я.

Мы спустились вниз. Я приказал снова втянуть наблюдательную башню и наглухо задраить выходной люк. «Плезеиозавр» снова опустился под поверхность моря и взял курс, параллельный курсу крейсера.

После предварительного обстрела крейсера особыми минами, назначением которых было разрушить защищавшую судно противоминную

сеть, дело быстро пришло к неизбежной развязке. Перейдя на поражение, мы уже третьей миной взорвали, по-видимому, крьюит-камеру неприятельского судна. Оглушительный взрыв, слабые отзвуки которого проникли даже в рубку «Плезеиозавра», и огромный столб черного дыма, изображение которого появилось на световом экране, показали, что атака наша увенчалась полным успехом.

Милостивые государи, — Джон Гарвей по своей натуре вовсе не жесток. Да, не жесток. Он держится взгляда, что, когда давят каблуком голову ядовитой змеи, то при этом совершенно излишне наблюдать за выражением ее глаз.

Это недостойно истинного джентльмена.

— Да, я раздавил ядовитую змею. Да, я чувствую радость и облегчение при мысли о том, что я избавил мир от лишней тысячи, а может быть, и больше кровожадных негодяев. Но наблюдать, как они корчатся под водой, и с сигарой в зубах рассуждать при этом о посрамлении зла и о торжестве справедливости...

— Брр... Нет, на это я не способен. Во мне еще не умерло окончательно сентиментальное благородство клерка почтенного мистера Бурбенка.

Мне очень хотелось курить. Но, уверяю вас, я чиркнул спичкой не раньше, чем с голубовато-зеленой половины экрана,

изображавшей собою поверхность океана, исчезла последняя черная точка. Я всегда относился с величайшим уважением к самому значительному моменту нашей земной жизни — переходу в потусторонний мир.

«Плезиозавр» снова вынырнул на поверхность моря и средним ходом пошел в направлении острова. Нервное возбуждение сменилось реакцией. Сидя на краю люка и свесив вниз ноги, Стивенс и я наслаждались солнечным светом, теплом и дуновением пропитанного морскими испарениями ветерка. Легкое монотонно-однообразное шипенье разрезаемой «Плезиозавром» воды нагоняло на нас обоих какое-то удивительно приятное состояние полудремы, полубодрствования. Мы приближались к месту гибели пассажирского судна.

Я невольно повернул в этом направлении голову. Последовал моему примеру и Стивенс.

— Что это? — воскликнул он вдруг, оживившись.

— Где? — лениво спросил я.

— Да вон... Вон там.

И он указал рукой на поверхность дремлющего моря.

— Ничего не вижу, — ответил я, щуря свои близорукие глаза.

— Ну, как же вы не видите, — возмутился Стивенс, который, как и все обладающие

прекрасным зрением люди, никогда не мог постигнуть психологии людей близоруких. — Две точки... Они плывут очень медленно, но явно двигаются в направлении острова.

— Какие точки?

— Боги! Да возьмите же бинокль. Или лучше дайте его мне — вы все равно ничего не увидите.

Гм... Этот Стивенс положительно иногда забывает, что тоном, подобным тому, каким он говорил сейчас, совершенно не приличествует говорить с главою государства.

Тем не менее, я дал ему бинокль.

— Я так и думал, — услышал я через минуту.

— Что вы думали?

— Эти точки — головы двух людей. И пусть меня повесят, если они не плывут к острову, эти люди.

— Вы уверены в этом? — спросил я, чувствуя, как в душу мою заползает чувство непонятной тревоги.

— Уверен ли я? Так же уверен, как в том, что сижу рядом с вами на борту «Плезеиозавра».

Голос Стивенса звучал раздраженно. По-видимому, новое явление нравилось ему не больше, чем мне.

Я взял бинокль из рук Стивенса и убедился в том, что его предположения совершенно правильны. Черт возьми, этого еще не доставало...

Сделать удивительный отбор людей, политические и прочие взгляды которых в точности совпадают с моими; основать единственную в мире общину, составляющую нечто исключительное по единомыслию, принципам и твердости убеждений; в течение нескольких лет неусыпно охранять эту общину от проникновения в нее постороннего элемента, который своим дурным влиянием смог бы поколебать цельность организации; считать свою позицию в этом отношении безукоризненно упрочившейся, абсолютно неприступной — и вдруг... Вдруг совершенно неожиданно получить в качестве сочленов двух новых, совершенно неизвестных людей. Кто они? Каковы их убеждения? Кто может поручиться, что они не одни из тех кровожадных чудовищ, которые рекою льют на обоих континентах человеческую кровь, насилуют, грабят, убивают? Кто может поручиться, что они не внесут разложение в нашу среду, не заставят поколебаться слабые умы? Ведь среди 2000 моих подданных есть немало и простых людей. Они верят в то, во что верю я, потому что они покинули континент под первым впечатлением творящихся там ужасов. Потому, что головы их не успели еще одурманиться чадом легкой наживы и лозунгом «грабь награбленное».

А что если дурман, от которого мы бежали, проникнет в головы этих людей здесь? Во всяком

человеке сидит алчный и хищный зверь. Разница только в том, какой толщины та культурная оболочка, которая его покрывает. Тонкая оболочка снимается быстрее и легче; толстая — медленнее и труднее. Но начинки под той и другой совершенно одинаковы.

Разве в свое время в высококультурной Германии солдаты и чернь не сбрасывали с мостов и не умерщвляли представителей ненавистного класса так же, как это делали в отсталой России? Разве эксцессы, имевшие место во время гражданской войны в Ирландии, не вызвали бы восторженной зависти у зулусов и дагомейцев?

Мысли вихрем кружились у меня в голове.

Что делать?

— Что же делать, Стивенс? — спросил я моего друга.

Он посмотрел на меня взглядом, который ясно показал мне, что в эти краткие мгновения его переживания были те же, что и мои.

— Если бы вы последовали моему совету, — начал он каким то чужим, беззвучным голосом.

— То?..

— Я бы подошел поближе к этим людям...

— И?..

— Мой друг, — сказал он, прямо смотря мне в глаза, — у меня в каюте есть прекрасный карабин Винчестера и в нем пять патронов...

— Вы с ума сошли, Стивенс!

— Думаю, что нет еще. Но если вы подберете этих людей или дадите им доплыть до острова — я буду иметь полное основание усомниться в здравости вашего рассудка.

— А если они порядочные люди?

— Если только хотя один шанс говорит в пользу обратного предположения, то их все же надо пристрелить.

— Безоружных и едва живых?

— Да. Мы рискуем слишком многим, чтобы принимать в расчет такие мелочи.

— Дайте мне подумать, Стивенс.

Минута мучительных размышлений показалась мне вечностью. Но я решился. Нет, я не убийца. Я спасу этих людей и привезу их на остров. Расстрелять человека никогда не поздно. Я встал.

— Вы решились? — спросил меня Стивенс.

— Да, — твердо ответил я, — я беру этих людей на борт «Плезиозавра».

— И везете их на остров?

— Да, мой друг, везу их на остров.

Бедный Стивенс! Он ничего не сказал. Даже не пожал плечами. Он молча поднялся с места и исчез в люке.

Через пять минут «Плезиозавр» поравнялся с плывшими людьми. Еще через три минуты их подняли на борт судна. Один из спасенных был